

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

М.Б. Раренко

ФЕДОР ИВАНОВИЧ БУСЛАЕВ: К 200-летию рождения

Аннотация. В статье анализируются жизненный путь и научное наследие отечественного филолога, историка литературы и искусства, профессора Московского университета Федора Ивановича Буслаева, внесшего большой вклад в развитие сравнительно-исторического метода в языкознании.

Ключевые слова: Ф.И. Буслаев; языкознание; филология; история литературы; история искусства; Московский университет; сравнительно-историческое языкознание; «О преподавании отечественного языка»; «Опыт исторической грамматики русского языка»; «Мои воспоминания».

Rarenko M.B. Fedor Ivanovich Buslaev: To the 200th anniversary of birth

Summary. The article deals with the life and scientific heritage of the Russian philologist, historian of literature and art, Professor of the Moscow University Fedor Ivanovich Buslaev, who made a great contribution to the development of historical and comparative method in linguistics.

Keywords: F.I. Buslaev; linguistics; philology; history of literature; history of art; Moscow University; comparative and historical linguistics; «The Teaching of the Russian Language»; «The Experience of Historical Grammar of the Russian Language»; «My Memories».

Кто понял сравнительное языкознание, для того уже не существует непроходимого средостения между своим, т.е. русским, и между чужеземным. Столь же недостаточно изучать только свое, не ведая чужого, как и толковать только о чужом, ни во что ставя свое.

Ф.И. Буслаев

«О преподавании отечественного языка»
(1844, с. 9)

Федор Иванович Буслаев (13 [25] апреля 1818, Керенск, Пензенская губерния – 31 июля [12 августа] 1897, Люблино, Московская губерния) – отечественный лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства, глава русской мифологической школы, действительный член Петербургской Академии наук (1860), ординарный академик, тайный советник (1877), родился в семье секретаря уездного суда. Как потом Ф.И. Буслаев напишет в книге «Мои воспоминания», годы детства, отрочества и юности будущего ученого протекали в среде простодушнопатриархальных отношений «провинциального мелкого люда» (Буслаев 1897, с. 71) в условиях тяжелых материальных лишений, горькой бедности семьи.

Когда мальчику исполнилось всего пять лет, его отец тяжело заболел и был переведен для лечения в Пензу, однако лечение не помогло, и в 1823 г. он скончался. Вся забота о ребенке легла на плечи матери, оказавшей сильнейшее и благотворное влияние на формирование характера сына, целиком посвятившей себя его воспитанию и образованию. О своей матери Федор Иванович до конца жизни сохранил самые светлые и нежные воспоминания. В «Моих воспоминаниях» Ф.И. Буслаев очень трогательно вспоминал ее: «Моя матушка, дочь армейского офицера Ивана Андреевича Андреева, участвовавшего в Суворовском походе через Альпы в Италию, родилась в г. Керенске в 1802 г., а в 1816-м, четырнадцати лет от роду, вышла замуж за моего отца Ивана Ивановича Буслаева, состоявшего в должности керенского уездного стряпчего. В начале XVIII столетия его прадед Аким Никитич был “с приписью подьячий” керенской канцелярии воеводского правления,

жалован указом Петра Великого в 1723 г. поместным окладом “ста шестидесятью четвертями”.

Будучи шестнадцати лет, моя матушка родила меня 13-го апреля 1818 г., а когда мне минуло только что пять лет, я остался при ней сиротою. Вот что значится в ее записной книжке, которую я берегу вместе с ее письмами: “Первое мое замужество – в 1816 г. ноября 8-го дня. Жила с мужем шесть лет и шесть месяцев и двадцать пять дней, т.е. он скончался 1823 года июня 3-го числа, и с тех пор-то веду дни бедственные”» (Буслаев 1897, с. 47).

По наследству от отца к матери Буслаева перешли несколько человек дворовых, с которыми у нее поддерживались отношения патриархального склада: «У матушки, по наследству от ее отца, а моего деда, была крепостная дворня. Овдовев, осталась она с хорошими средствами, которые не только обеспечивали ее существование, но и давали возможность располагать удобствами жизни» (Буслаев 1987, с. 52).

Будучи женщиной умной, деятельной, настойчивой, она, хотя и не получила систематического образования, много читала и приобрела, судя по ее письмам, слог живой и сердечно-искренний, став, по признанию самого Буслаева, его настоящей наставницей по занятиям литературой наряду с гимназическим учителем словесности. Ф.И. Буслаев вспоминает, что в их доме была библиотека, как и в доме его дяди, которого они с матушкой часто навещали: «У моей матушки была своя собственная маленькая библиотечка, так сказать, фундаментальная, которая потом изредка и случайно пополнялась новыми изданиями. Она состояла из старинных книг XVIII в. и досталась ей по наследству от моего деда и отца, который принадлежал, говоря относительно и в самом умеренном скромном смысле, к образованной молодежи уездного города Керенска. О степени его развитости я могу судить по его товарищам и друзьям, которые десятками лет пережили его и которых я хорошо знал. Это были мой двоюродный дядя, Андрей Сергеевич Сергеев, и помещик Керенского уезда, Иван Асафович Броницкий, сын которого, Александр Иванович, женатый на княжне Енгальчевой, был помощником библиотекаря в библиотеке Московского университета. Когда я учился в гимназии, мы с матушкой часто бывали у моего дяди в Керенске, и я хорошо помню его довольно большую библиотеку, размещенную на полках в двух шкафах, под

стеклом. Тут впервые увидел я многотомные издания “Образцовых Сочинений” и “Российской Вивлиофики”, а также “Московский Телеграф” Полевого и “Телескоп” Надеждина» (Буслаев 1897, с. 71–72).

Переехав в 1823 г. в Пензу, мать купила дом в живописном уголке города, на крутом берегу реки. Этот дом Буслаев также описал в «Моих воспоминаниях»: «Наш дом был с мезонином и выходил к набережной палисадником, в котором были разбиты между клумбами цветов дорожки, покрытые песком; вдоль решетчатого забора поднимались невысокие кусты сирени и воздушного жасмина. Передняя часть дома состояла из залы и гостиной, которая для нас с матушкой была вместе и кабинетом, где мы оба читали какую-нибудь книгу или я учил уроки, а она что-нибудь работала» (Буслаев 1897, с. 50).

Через два года, в 1825 г., мать Ф.И. Буслаева вышла замуж во второй раз, однако брак оказался неудачным: «Вотчим не только пьянствовал, пропадал по целым неделям и возвращался домой как бешеный, но и вконец разорил состояние моей матушки» (Буслаев 1897, с. 56); в 1830 г. отчим Буслаева умер от холеры, оставив жену с сыном и двумя маленькими дочерьми без средств к существованию. Буйства горького пьяницы отчима, разорение и бедность оставили глубокий след в душе впечатлительного мальчика, но не надломил и не озлобил его. Он только стал, по собственному признанию, робким, застенчивым и опасливо-осторожным, и эти особенности отмечались затем у него на протяжении всей жизни. В автобиографической книге «Мои воспоминания» он напишет: «Ничто так не скрепляет дружбу, как страдание вдвоем, и в это скорбное, безнадежное время я стал для матушки не только горячо любящим сыном, но и задушевым искренним другом, с которым она вместе страдала и проливала горькие слезы» (Буслаев 1897, с. 56); «Несчастье сильно способствует развитию детей...»; «Будучи только двенадцати лет, я уже чувствовал и поступал, как взрослый, когда дело касалось злополучий матери» (Буслаев 1897, с. 56, 58).

В 1828 г. после годичного обучения в приготовительном пансионе Буслаев поступил в Пензенскую гимназию. «Гимназический курс продолжался тогда только четыре года и состоял из четырех классов, с тремя уроками в день, по два часа на каждый из

них, всего шесть часов; два урока до обеда с 8 часов утра и до 12-ти и один после обеда, с 2 до 4-х.

Я поступил в гимназию десяти лет, в 1828 году и оставался в первом классе два года, а окончил курс пятнадцати лет, в 1833 году. Тогда принимали учащихся в университет не моложе шестнадцатилетнего возраста, и мне пришлось по окончании курса пробыть в Пензе целый год, что принесло мне великую пользу, дав мне возможность пополнить пробелы гимназического обучения и подготовиться к университетскому экзамену» (Буслаев 1897, с. 58–59).

В первом классе гимназии среди учителей Буслаева был В.Г. Белинский, преподававший русский язык и, как можно предположить, оказавший влияние на формирование его взглядов на язык и литературу. Многие дисциплины в гимназии преподавались довольно посредственно – многие учителя надеялись на то, что гимназисты смогут самостоятельно освоить преподаваемые ими науки: «Большую часть времени в гимназии мы проводили сами по себе, так сказать, по методу взаимного обучения, без надлежащего руководства и наблюдения со стороны учителей. Мы слушали, что один из нас читал, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили с иностранных языков на русский, изготовляли свои сочинения. Между тем учителя ходили взад и вперед по классу и разговаривали между собою, всегда двое: в нижнем этаже – учителя первого и второго классов, а в верхнем – третьего и четвертого; внизу обыкновенно избирался для прогуливания второй класс, а в верхнем – четвертый. Потому в обоих этих классах наши оригинальные опыты льготного взаимного обучения несколько нарушались хотя бы и пассивным надзором находившихся налицо учителей, которые сновали из стороны в сторону перед нашими скамейками, впрочем, мало обращая на нас внимания» (Буслаев 1897, с. 63).

Юному Буслаеву запомнился учитель словесности по фамилии Евтропов, который, как вспоминал впоследствии ученый, сам много читал гимназистам, прививал им любовь к чтению произведений новейших писателей того времени, прежде всего В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и др. Федор Иванович Буслаев писал: «В Пензенской гимназии под руководством Белинского и Евтропова я впервые узнал и полюбил русскую словесность, которой потом посвятил всю свою жизнь в литературных трудах

и в лекциях с кафедры Московского университета» (Языков 1897, с. 379). В «Моих воспоминаниях» он писал: «Из самого раннего детства очень хорошо помню я балагурную книжку: “Не любо – не слушай, а лгать не мешай”, и презанятный по коловратным запутанностям интриги роман “Английский милорд Георг”...»

С той же ранней поры я знал о существовании Робинзона Крузэ и Дон-Кихота (так называли тогда Дон-Кихота), с присоединением немногих подробностей о их похождениях; только не помню, откуда получил я эти сведения, – сам ли я читал, или слышал от матушки. Надобно вам знать, что после Ясона Петровича Евтропова она была для меня главною воспитательницею и наставницею в литературе. Большую часть поэтических произведений в стихах и прозе мы читали с нею вместе, попеременно – то она, то я. Матушка особенно любила слушать мое чтение, сидя рядом со мной за рукодельем.

Хотя и увлекалась она сентиментальностями XVIII в., во вкусе Жан-Жака Руссо, Карамзина или князя Долгорукова, но отдавала решительное предпочтение новым веяниям романтизма в произведениях Жуковского, и многие из его баллад знала наизусть и любила их декламировать» (Буслаев 1897, с. 74–75).

Стесненные материальные условия вынудили юного Буслаева уже в 14-летнем возрасте давать частные уроки за небольшую плату.

В 1833 г. Буслаев окончил гимназический курс и в течение следующего года изучал греческий и латинский языки. В 1834 г. он едет в Москву и поступает на отделение словесных наук, преобразованное позднее в филологическое отделение философского факультета.

Исключительно теплые отношения сохранялись у Ф.И. Буслаева с матерью до самой ее смерти, случившейся в 1836 г., когда ей было всего 34 года.

Среди университетских профессоров наибольшее влияние оказали на Буслаева М.П. Погодин, С.П. Шевырев и И.И. Давыдов. По рекомендации Погодина Буслаев знакомится с «Немецкой грамматикой» Я. Гримма. Особую благодарность высказал в «Моих воспоминаниях» Ф.И. Буслаев Давыдову: «Оканчиваю свои воспоминания об Иване Ивановиче Давыдове изъявлением ему моей сердечной благодарности. По его указанию и совету, я впервые

познакомился с таким филологическим сочинением, которое впоследствии оказало решающее влияние на мои ученые работы. Это было исследование Вильгельма Гумбольдта о сродстве и различии языков индогерманских (т.е. индоевропейских)» (Буслаев 1897, с. 123). Для Шевырева он составил систематический свод русских грамматик. Для чешского слависта П.И. Шафарика снял копию с Толковой псалтири XI в. В университетские годы, как и позднее, Буслаев активно изучает иностранные языки; он владел немецким, французским, итальянским, испанским, древнееврейским, санскритом, польским, болгарским и другими языками.

Молодой Буслаев отличался трудолюбием и усидчивостью; он с увлечением занялся наукой, упорно и последовательно учился у старших, перенимая у известных профессоров все наиболее ценное, что нужно будущему ученому: тщательность в изучении конкретного материала, использование первоисточников, иностранной и отечественной литературы по избранной теме, словом, стремился усвоить все тонкости методики и техники научного труда.

Окончив в мае 1838 г. университетский курс кандидатом словесного отделения философского факультета, Ф.И. Буслаев был назначен на работу в качестве сверхштатного учителя русского языка в младших классах 2-й Московской гимназии. Преподавание в гимназии он совмещает с работой домашнего учителя в семьях известных аристократов – Боде, Самарина, Строганова. Надо отметить, что от преподавания в гимназии не осталось у Ф.И. Буслаева никаких воспоминаний: «Мне дали место сверхштатного учителя русского языка в младших классах второй московской гимназии. Я начал службу 18 августа и раза четыре в неделю отправлялся из Кремля в далекий путь через Покровку и Басманную, к самому ее концу, где на углу Разгуляя стоит эта гимназия.

Странное дело: мое учительство в этой гимназии прошло мимо меня, как тень, не оставив по себе в памяти ни малейшего следа. Сколько ни стараюсь, не могу вызвать в своем воображении ни стен, ни обстановки тех классов, где я преподавал, ни того, как, чему и кого я учил...» (Буслаев 1897, с. 152).

Примерно в это же время Буслаев по рекомендации профессора И.И. Давыдова и инспектора студентов П.С. Нахимова поступил домашним учителем в семейство гофмаршала барона Льва

Карловича Боде и переселился из казеннокоштного общежития в еще студенческом вицмундире в подмосковное имение барона, Подольского уезда, в село Покровское-Мещерское, куда чуть раньше перебралось семейство Боде на лето. Буслаеву в течение года предстояло готовить 14-летнего сына барона Михаила Львовича (дружеские отношения с Михаилом Львовичем у Буслаева продолжались всю жизнь), который был моложе Буслаева всего на шесть лет, в старший класс пажеского корпуса, а двух младших дочерей барона – Александру Львовну и Елену Львовну – учить русскому языку.

Чуть позже к двум ученицам прибавилась третья – их троюродная сестра Анна Петровна Колычева, круглая сирота, после смерти своего отца поступившая под опеку и на попечение ее тетки, баронессы Натальи Федоровны.

Свой опыт работы в качестве домашнего учителя в доме барона Боде Ф.И. Буслаев также описал в «Моих воспоминаниях»: «Мне предоставлялось давать уроки Михаилу Львовичу из русской грамматики, истории и словесности по моему собственному разумению, потому что никакой учебной программы у нас не было, да и никто о ней не заботился, а я и подавно. В пензенской гимназии мы пробавлялись, как вы уже знаете, самоучкою, без всякого порядка и системы. Мои жалкие педагогические попытки в студенческие годы были не настоящим делом, а плохою поделкою, не пробою пера, а каракулями. Теперь приходилось самому, без посторонней помощи и без всяких пособий, производить первый настоящий опыт на учительском поприще с ответственностью экзамена моему ученику. Всю надежду возлагал я на сведения, вынесенные мною из университета» (Буслаев 1897, с. 133–134).

Как писал Буслаев, «оставив теорию в стороне, я избрал метод практический, и тем более потому, что он вполне согласовался с предметами моих уроков, с родным языком и отечественною историею, которая в общих чертах была уже несколько знакома Михаилу Львовичу» (Буслаев 1897, с. 135), который «уже не только умел разбирать церковную грамоту, но и достаточно понимал церковнославянский язык» (Буслаев 1897, с. 135). «Положив в основу наших занятий чтение и рассказ или письменное изложение прочитанного, я соединил вместе уроки истории с изучением языка, слога и литературы, разумеется, придерживаясь для себя некоторой

системы в постепенном ознакомлении моего ученика с каждым из этих разнородных предметов и не обременяя его внимания излишними подробностями» (Буслаев 1897, с. 135–136).

В конце мая 1839 г. Ф.И. Буслаев неожиданно для себя получает предложение поехать за границу в качестве домашнего учителя детей графа С.Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа, которое с удовольствием принимает: «Сам попечитель Московского университета предложил мне отправиться с его семейством на два года в Италию, чтобы там давать уроки его детям. Через несколько дней он дал мне маршрут и денег, сколько нужно для переезда от Москвы до Дрездена, где я должен буду ожидать графиню с детьми из Карлсбада, а его самого из Москвы.

Впоследствии я узнал, что этим решительным поворотом в судьбе всей моей жизни я был обязан рекомендации барона Льва Карловича, который в самых лестных похвалах отзывался графу об успехах моего преподавания сыну его, Михаилу Львовичу» (Буслаев 1897, с. 154).

Почти два года (1839–1841) Буслаев проводит главным образом в Италии, где, помимо выполнения обязанностей домашнего учителя (следует отметить, что у Буслаева была возможность самостоятельно определять что и как преподавать своим подопечным), много занимается самообразованием – изучает античные древности, искусство и творчество Данте. Вспоминая о двух годах, проведенных за границей, Ф.И. Буслаев пишет: «Не удивляйтесь, если скажу вам, что с этого самого вечера (дня отъезда. – *М. Р.*) в продолжение всего двухлетнего пребывания моего за границею настал для меня непрерывный светлый праздник, в котором часы, дни, недели и месяцы – представляются мне теперь нескончаемою вереницею все новых и новых каких-то радужных впечатлений, нечаянных радостей, никогда прежде не испытанных наслаждений и захватывающих дух поразительных интересов» (Буслаев 1897, с. 156–157).

Описывая свою преподавательскую деятельность, Буслаев отмечает: «Я преподавал детям русскую историю, грамматику и словесность, но не одну только ее теорию, т.е. риторику и пиитику, а также и историю литературы, пользуясь, сколько нужно и возможно, лекциями С.П. Шевырева. В научных материалах для этого

предмета за границую я не чувствовал никакого недостатка, потому что в Неаполе ожидала нас довольно полная библиотека русских книг, достаточная не только для уроков моим ученикам и ученицам, но и для собственных специальных занятий моих» (Буслаев 1897, с. 190).

Поездка Буслаева с семьей графа С.Г. Строганова по Западной Европе (помимо Италии он побывал в Германии и во Франции) сыграла важную роль в становлении ученого. Она дала ему возможность ознакомиться с замечательными произведениями мирового, в том числе античного, искусства, что оказало сильное влияние на научные взгляды и интересы молодого ученого: именно в этот период он увлекается древним искусством, создает ряд работ по археологии, древней живописи: «Мои свободные часы между завтраком и обедом ежедневно проводил я в музее, за исключением праздников, а по вечерам вел записки о том, чему и как научился я в тот день: мне казалось, будто я составляю лекции, которые прослушивал в аудиториях Московского университета. Для этой вечерней работы я пользовался, по указанию графа Сергея Григорьевича, одним многотомным изданием, которое он приобрел по приезду в Неаполь и все сполна передал в мое распоряжение» (Буслаев 1897, с. 195). Особенно произвела впечатление на молодого Буслаева Италия: «Сосредоточив все свои интересы на изучении археологии и искусства в связи с историею литературы, повсюду в Италии я ни на что другое не обращал свое внимание, как только на такие предметы, которые могли удовлетворять этим моим интересам. Гуляя по улицам и площадям города, я видел здания, дворцы и церкви, портики, фасады и колоннады, а людей, которые мне встречались, и не замечал; для моих взоров существовала тогда только местность, а не обыватели, которые ее населяют. Улицы с жилыми домами и заросшая высокою травой и кустарником пустырь с развалинами античных или средневековых построек складывались для моего воображения в одно целое. Я весь поглощен был монументальностью Италии и постольку же мало обращал внимание на ее жителей, как и на разнообразные красоты ее природы. Впрочем, и сами итальянцы имели для меня некоторый интерес, но только по отношению к изучаемым мною памятникам искусства и вообще старины. Мне казалось, что жители этой страны и существуют теперь для того только, чтобы охра-

нять заветные сокровища великого прошедшего в своих городах и услужливо показывать и объяснять их иностранцам» (Буслаев 1897, с. 187–188).

Вернувшись в 1841 г. в Москву, Буслаев продолжил работать домашним учителем в семье графа, но также стал преподавать русский язык в 3-й Московской реальной гимназии: «Мы поселились на Знаменке в доме князя Гагарина (ныне Бутурлиных), против самой церкви. Моя комната была наверху, окнами на двор. Граф оставил меня при себе, поручив мне давать уроки обеим его дочерям и младшему из моих учеников, Григорию Сергеевичу, так как Павел Сергеевич, выдержав экзамен, поступил в Московский университет по юридическому факультету. Кроме того, я определен был учителем в третью московскую гимназию, что на Лубянке, называвшуюся тогда реальною. На домашние и гимназические уроки приходилось на каждый день не больше трех часов, и мне оставалось много времени для моих собственных занятий» (Буслаев 1897, с. 271).

В 1842 г. он получает место помощника к профессорам русской словесности Московского университета для разбора письменных работ студентов. В эти годы появляются его первые публикации в виде статей, рецензий, обзоров в журналах «Москвитянин», «Отечественные записки». Отчасти идея заняться проблемами методики преподавания русского языка была навеяна поручениями графа Строганова: «Когда мало-помалу я втянулся в эту неизвестную мне до тех пор дидактическую область и, наконец, сильно ею заинтересовался, тогда граф, удостоверившись в частых беседах со мною о моих быстрых успехах, стал давать мне разные поручения, имевшие своим предметом распространение и водворение надлежащего метода в обучении русскому языку и словесности в училищах и гимназиях Московского учебного округа. Я должен был составлять по этому делу краткие циркуляры, а иногда и целые статьи, которые в печатных брошюрах рассылались по всему учебному округу. После студенческих работ, о которых я уже говорил вам, это были мои первые самостоятельные опыты, удостоившиеся печати. Из них помню два – оба относятся к 1841 году» (Буслаев 1897, с. 271–272).

Эти работы по вопросам обучения русскому языку и словесности рассылались по всему Московскому учебному округу (попе-

чителем округа был С.Г. Строганов). В своих воспоминаниях, говоря об этом периоде жизни и работы, Буслаев пишет: «Хотя я и приобрел на практике некоторый навык в преподавании русского языка и словесности, но, как самоучка, не умел давать себе ясного отчета в выборе дидактических приемов и особенно затруднялся, как следует вести дело с многолюдным классом учебного заведения. Мне недоставало теории, которая бы расширила мой кругозор» (Буслаев 1897, с. 271). В эти годы Буслаев много читает (в распоряжении молодого ученого очень кстати оказалась богатая библиотека С.Г. Строганова), он знакомится с трудами В. Гумбольдта, Ф. Боппа, Р. Раска, А.Х. Востокова, Я. Гримма и других ученых. Всю лингвистическую деятельность Буслаева в сильной степени определило новое в те времена и чрезвычайно плодотворное учение о языке, известное под названием сравнительно-исторического метода. Одновременно он интересуется проблемой методики преподавания русского языка. Свои педагогические взгляды Буслаев имел возможность проверять на практике, посещая школы, знакомясь с опытом многих преподавателей. В 1841 г. Федор Иванович составляет комментарии, критические замечания и дополнения к учебнику В. Половцева «Русская грамматика для русских». Эта работа Буслаева, явившаяся как бы методическим пособием к данному учебнику, также рассылалась в качестве руководства по учебным заведениям. Итогом его практической и теоретической деятельности в тот период становится книга «О преподавании отечественного языка», опубликованная в 1844 г. и вышедшая в двух частях.

Работа Ф.И. Буслаева сразу привлекла внимание как преподавателей Московского университета, так и работников гимназий, поскольку представляла собой первый в истории методики русского языка научный труд, в котором автор (молодой, 26-летний) стремится научно обосновать задачи, методы и приемы обучения родному языку в школе.

Как было показано выше, на протяжении многих лет Ф.И. Буслаев органично совмещал преподавательскую деятельность с ученой, и его исследование «О преподавании отечественного языка» (М., 1844. Ч. 1–2) стало результатом его осмыслений многолетнего преподавания русского языка как в качестве домашнего учителя, так и преподавателя в Московском университете.

В «Предисловии» к своему труду Ф.И. Буслаев пишет: «Занимая средину между низшими и высшими учебными заведениями, гимназия, за исключением немногих предметов, равняется первыми классами с низшими училищами, а последними с первым курсом университета: потому и говорю о преподавании отечественного языка вообще, хотя разумею, по преимуществу, преподавание гимназическое. Имею более права говорить о гимназии, ибо, будучи в ней преподавателем, частью привожу в действие на практике те основания, которые предлагаю читателям в этом сочинении» (Буслаев 1992, с. 25). Описывая структуру работы, Ф.И. Буслаев подчеркивает, что она состоит из двух взаимосвязанных между собой частей: «Разделяю его на две части: в первой метода преподавания, во второй самый предмет. Учитель должен не только знать свой предмет, но и уметь передать, что знает: о знании во второй части, об умении в первой. Должен смотреть на науку и глубже и дальше того, сколько сообщает ученикам: путь к дальнейшему изучению во второй части; мера, сколько сообщить ученикам – в первой» (Буслаев 1992, с. 25).

Объясняя причины, заставившие его обратить свое внимание на написание труда по преподаванию русского языка, ученый отмечает: «В настоящее время вопрос о преподавании отечественного языка едва ли не более всех других вопросов дидактических занимает педагогов. И действительно, после закона божьего нет ни одного гимназического предмета, в котором бы так тесно и гармонически совокуплялось преподавание с воспитанием, как в обучении отечественному языку. Постепенное раскрытие дара слова и законов оного должно быть вместе и раскрытием всех нравственных сил учащегося: ибо *родной язык есть неистощимая сокровищница всего духовного бытия человеческого* (курсив наш. – М. Р.)» (Буслаев 1992, с. 26).

Первая часть работы «О преподавании отечественного языка», объемом 335 страниц, названная «Педагогические начала», была посвящена вопросам дидактики и знакомила читателей с современными взглядами на преподавание родного языка, разными методами обучения, выработанными и уже применявшимися в странах Западной Европы, вводила в мир научно-педагогических интересов. В ней Ф.И. Буслаев подчеркивает принципиальное различие между исследовательскими работами и методическими:

«Надобно отличать ученую методу от учебной. Ученый, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая никакого внимания на личность читателя или слушателя: он предлагает свою науку единственно тому, кто поймет его. Напротив того, педагог должен развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его тогда имеет свою цену, когда прилична тем лицам, коим преподается» (Буслаев 1992, с. 26), фактически предвосхищая современные требования к преподаванию, подчеркивающие необходимость личностного подхода к учащемуся.

Ф.И. Буслаев считает, что изучение родного языка должно быть систематическим, основываться на тех приемах и методах, которые позволяют учащимся понять и осознать сущность языковых явлений, закономерности тех процессов, которые в языке происходят. Вслед за Я. Гриммом Буслаев различает два способа изучения языка: филологический и лингвистический. В первом случае грамматика – это только искусство правильно писать и говорить, притом обучение ограничивается книжной речью: «Для первого язык есть только средство к изучению древней литературы, но средство, неистощимо богатое содержанием. Цель филолога достигнута, если он мало-помалу сживается с древним языком и, долго и непрерывно упражняясь вглядываться в него и чувственно и духовно, так усваивает себе его образ и состав, что свободно может употреблять его, как собственное врожденное достояние, в разговоре и чтении памятников литературы отжившей. Содержание и форма взаимно условливаются друг другом, так что с возрастанием уразумения речи и поэзии богатеет и содержание для грамматики» (Буслаев 1992, с. 28). При втором подходе язык рассматривается как предмет сравнительно-исторического изучения с целью выявления законов его изменения и развития. Ученый пишет: «Другой род изучения, лингвистический, углубляется в язык, как в непосредственную цель свою и менее заботится о живом и целом выражении. Действительно, можно изучать язык сам по себе и открывать в нем законы, наблюдать не то, что на нем выражается, а то, что живет и вращается в нем самом. В противоположность предыдущему, такое языкоучение можно назвать членоразлагающим, ибо оно более любит разнимать по частям состав языка и высматривать его кости и жилы, менее заботясь наблюдать сво-

бодное движение всех его членов и подслушивать нежное его дыхание» (Буслаев 1992, с. 28).

Обращаясь к имевшимся на тот момент учебникам, признавая их сильные стороны, Ф.И. Буслаев видит их главный недостаток в отсутствии методической направляющей: «Для учебника мало одной науки: нужна еще педагогическая метода. Здесь-то и выказывается великий недостаток грамматик Востокова и Греча, несмотря на все их ученые и научные достоинства. Оба эти филолога смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебную, забывая *личности учащегося* (курсив наш. – М. Р.), между тем как постепенное развитие сей последней составляет важнейшую часть отечественной грамматики... Детям совершенно бесполезно знать, что есть этимология, синтаксис, правописание, до тех пор, пока не узнают они предложения с частями его, слова и категорий частей речи; до тех пор, пока не умеют правильно писать и отчетливо понимать прочитанное. Самый порядок изложения наших учебников, от частей речи восходящий до синтаксиса, противоречит естественному развитию дара слова. Как часть непонятна без целого, так и целое без частей: часть речи понятна тогда, когда известна речь; а самая краткая и простейшая форма речи есть предложение» (Буслаев 1992, с. 30). Таким образом, Буслаев фактически говорит о необходимости, во-первых, комплексного подхода при изучении языка, а во-вторых, коммуникативно ориентированном, предвосхищая веяния XX столетия. Рассуждая о способе преподавания, Буслаев выделяет два: «Или заставляют ученика самого доискиваться и находить то, чему хотят научить его, или же предмет преподаваемый дается ему готовый, без всякого с его стороны питания» (Буслаев 1992, с. 32), называя первый «гейристическою методой», а второй – «историко-догматическою». Рассуждая о достоинствах каждой из них, он пишет: «Иные противоплагают гейристическую методу строго научной или систематической, почитая характером последней нисхождение от отвлеченного к конкретному, а первой – восхождение от конкретного к отвлеченному. Несправедливы те, которые полагают сущность гейристической методы в разговорном, диалогическом изложении, а историко-догматической в сплошном рассказе: метода эротематическая и акроаматическая основываются только на внешнем изложении, не касаясь сущности самого дела. Применительность той

или другой методы условливается отчасти предметом преподавания (объективно), отчасти личностью учащегося (субъективно). Так, все историческое и положительное не может преподаваться гейристически, ибо ученик никоим образом не дойдет своим собственным рассуждением до факта, подлежащего только памяти. Напротив того, эта метода применительна к математике, философии и языку отечественному» (Буслаев 1992, с. 32).

Ученый особое внимание обращает на то, что обучение родному языку и иностранному предполагает разные методы: «Ошибка... в том, что они (учителя, авторы существующих учебников по русскому языку. – М. Р.) не отличают совершенно противоположных методов в изучении чужого и своего языка. Если мы возьмем в руководство грамматики Востокова, Греча и др., то, конечно, лучше учиться русскому языку по латинскому, ибо эти грамматики составлены по методу грамматик для чужих языков: начинаются определением частей речи, склонениями и спряжениями, с ненужными для детей подробностями, и потом уже предлагают синтаксис. Многие наши педагоги до сих пор все хлопочут о спряжениях да склонениях, и не догадываясь, что русские без правил умеют правильно и склонять и спрягать. Половцев частью применил преподавание русского языка к требованиям русских учеников, но и он не достиг своей цели, предположив этимологию синтаксису и не связав синтаксическим разбором всех частей речи в одно целое. В ошибку другого рода против отличия в преподавании отечественного языка от иностранного впал Вурст. Хотя, следуя Беккеру, имеет он надлежащее понятие об отношении этимологии к синтаксису, однако в своем руководстве принимает методу латинских и греческих грамматик для изучения правил отечественного языка: перед каждым правилом примеры, а за правилом задачи для упражнения в оном. Всяк видит, что все внимание Вурста обращено на правило как средоточие и примеров и упражнений, а в этом-то и ошибка, ибо правила в отечественной грамматике стоят совершенно в другом отношении» (Буслаев 1992, с. 51–52).

В параграфе, озаглавленном «Метода обучения отечественному языку», Ф.И. Буслаев приводит четыре правила, которым, по его мнению, должен следовать преподаватель отечественного языка: 1) «Приводи дитяти все явления языка таким образом, как

поступает сама природа, т.е. помощью изустного выражения непосредственных представлений, помощью разговора и чтения» (Буслаев 1992, с. 54); 2) «Формы речи, коими ученик умеет уже пользоваться, доводи до его сознания разбором, следовательно, путем анализа» (Буслаев 1992, с. 56); 3) «С разбором соединяй синтезис, совокупление отдельного в практических упражнениях» (Буслаев 1992, с. 56); 4) «Соединяй внешнее с внутренним, форму с содержанием» (Буслаев 1992, с. 57).

Подводя итог рассуждению о том, как должно преподавать отечественный язык, Буслаев приводит 13 положений, «с которыми надлежит сообразаться»: «1. Все грамматическое учение должно быть основано на чтении писателя. Главная задача состоит в том, чтобы дети ясно понимали прочтенное и умели правильно выражаться словесно и письменно. 2. Грамматика должна быть только прибавлением к чтению, к письменным и словесным упражнениям, она не может быть самостоятельно систематическою наукою в первоначальном обучении. 3. На первой, низшей степени отечественная грамматика, в связи с практическими упражнениями, предполагает две цели: образование и развитие детских способностей (общая грамматика) и безошибочное употребление русского языка словесно и письменно (частная грамматика). 4. На высшей степени грамматика является наукою: здесь выступает сравнительное и историческое языкознание, в связи с чтением церковнославянской, древнерусской и новой литературы. 5. Метода первоначальному преподаванию отечественного языка должна быть генетическая, основывающаяся на постепенном развитии в дитяти врожденного дара слова: она следит за ходом самой природы, безусловно подчиняя ей предмет преподаваемый. По этой методе ученику не дается ничего нового, но только уясняется и приводится в сознание то, что он уже имеет. Этим отличается метода обучения отечественному языку от всякой иной. Остальные предметы преподавания строятся на искусственной системе, родной же язык развивается и уясняется по законам самой природы... 6. Так как язык, кроме знания, предполагает и умение, потому и отечественная грамматика не довольствуется только развитием природного дара слова, но руководствует ученика в искусстве читать, говорить и писать. Все это искусство должно быть основано на практических упражнениях. Доселе грамматика и язык в обучении были две

совершенно разрозненные области, между тем как грамматика, даже как руководство к искусству правильного употребления языка, должна исходить из чтения, разговора и письма. Потому величайшая ошибка многих учителей в том, что они заставляют детей выучивать, напр., правила правописания не в связи с письмом, тогда как учебник должен быть только справочною книгою при диктанте. 7. Чтение и письмо должны идти в параллели с грамматическим обучением; так, напр., как скоро дети узнали предложение, тотчас уже могут отделить одно предложение от другого – при чтении остановкою голоса, на письме знаком (сначала только запятою)... 8. Правописание и словопроизношение не составляют теоретической части грамматики: они суть не что иное, как применение этимологического и синтаксического учения к практике. 9. Постоянно надобно отличать преподавание отечественного языка от иностранного, следов., никогда не говорить детям того, что они знают уже сами; стало быть, и не мучить их склонениями и спряжениями со множеством подразделений и различий... 10. Отечественная грамматика как наука в низших классах заменяет логику, а в высших становится сравнительно-историческою грамматикою. Многие педагоги несправедливо исключают сию последнюю из гимназического курса, между тем как необходимость ее неоспорима – и в практическом отношении, ибо сравнительное языкознание служит руководством в переводах и облегчает изучение чужих языков, а историческое необходимо для уразумения памятников древней, средней и даже новой литературы нашей; – и в теоретическом, ибо только сравнительное изучение языков дает истинное и ясное понятие о законах языка и только историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе употребляем мы ту или другую форму. 11. Как скоро изучение отечественного языка переходит в науку, тотчас должно получить систематический характер. Но поелику система имеет ценность тогда, когда уже знаешь материалы, имеющие быть приведенными в систему, то и систематической сравнительно-исторической грамматике должно предшествовать, с одной стороны, практическое изучение чуждых языков в сближении с русским, а с другой – чтение памятников нашей литературы, и древних и новых... 12. Так как много потеряли мы живого сочувствия к родному языку вследствие постоянного его движения и изменения, а частию и порчи,

потому и он, как бы несколько чуждый, заключает для нас много неясного, иногда даже неизвестного, не только в древней нашей литературе, но и в народной речи. Возведение к сознанию всего неясного и неопределенного требует науки отечественного языкознания, которая, будучи сравнительной и исторической, нисколько не противоречит основным началам гуманизма и примиряет его с реализмом. 13. Отечественный язык и на высшей степени, т.е. сравнительно-исторической, где только возможно, должен преподаваться гейристически: формы устарелые сближать с теперешними, чуждые с родными, и намеками заставлять, чтобы сами ученики открывали неизвестное посредством известного» (Буслаев 1992, с. 67–70).

Во «Введении» ко второй части своего труда, озаглавленной «Материалы для русской грамматики и стилистики», объемом 375 страниц, в которую вошел обширный материал, как теоретический, так и фактический, по истории русского языка, стилистике, необходимый, по мнению Ф.И. Буслаева, учителю, стремящемуся именно научить родному языку, в частности русскому, ученый указывает, что существуют три способа изучения языка – сравнительный, исторический и философский: «В настоящее время наука об языке достигла высокой степени совершенства. Одни филологи исследуют вдруг по несколько языков древних и новых, азиатских и европейских и сравнивают их между собою; другие берут какой-либо один язык, проходят его по всем наречиям и последовательно ведут его историю от самых древних памятников его литературы до позднейших времен; третьи подводят все частные видоизменения грамматических форм к общим философским законам. Первый способ изучения называется сравнительным, второй – историческим, третий – философским. Таким образом, филология разрабатывается теперь и в ширину, т.е. сравнительно, и в длину – исторически, и в глубину – философски. Эти три способа взаимными силами подкрепляют друг друга. Так, исторический обыкновенно идет рука об руку с сравнительным; притом исторический есть уже вместе и сравнительный, ибо предполагает сравнение форм языка в различных периодах времени; а сравнительный вместе и исторический, ибо сравнивает языки различных времен. Оба они служат материальной основой способу философскому, который, со своей стороны, освещает идею и совокупляет стройным един-

ством многообразные и разрозненные факты изучения исторического и сравнительного» (Буслаев 1992, с. 192–193). По мнению ученого, отечественный язык следует изучать сравнительно, и для этого есть все предпосылки: «Состоя в тесной связи со всеми славянскими наречиями и преимущественно с церковным, русский язык необходимо должен изучаться сравнительно; славянское народописание, составленное Шафариком и переведенное на русский язык профессором Бодянским в 1843 г., предлагает материал для сравнительной грамматики славянских наречий; грамматика Боппа связывает славянский язык с индоевропейским» (Буслаев 1992, с. 193).

Во вступительной статье «Ф.И. Буслаев – выдающийся филолог и педагог» к изданию трудов Ф.И. Буслаева, посвященных проблемам методики преподавания русского языка, вышедшему в 1992 г. под названием «Преподавание отечественного языка», академик АПН СССР, доктор филологических наук, профессор И.Ф. Протченко отмечает, что «методическая система Ф.И. Буслаева, изложенная в книге “О преподавании отечественного языка”, была слишком новой, необычной для своего времени. Лишь в 60-е годы эти педагогические и методические идеи получают широкое и всеобщее признание, многие педагоги подробно разрабатывают намеченные Федором Ивановичем вопросы. В числе этих методистов-учителей были К.Д. Ушинский, В.И. Водовозов, В.Я. Стоюнин и мн. др.» (Протченко 1992, с. 11), и указывает на то, что «проблемы, анализируемые в труде “О преподавании отечественного языка” – объяснительное чтение, метод грамматического обучения, ведение письменных упражнений, преподавание орфографии на начальном этапе обучения, развитие речи учащихся, осмысленное восприятие обучающимися изменений и закономерностей, характерных для развития русского языка, – до настоящего времени находятся в центре внимания методики русского языка», что является свидетельством тому, что «рассматриваемая книга Ф.И. Буслаева не утратила своего значения и в наши дни. И не случайно, что положения методического труда Ф.И. Буслаева постоянно используются в методических работах, статьях, исследованиях советских методистов, педагогов, филологов, в учебниках и пособиях для студентов педагогических институтов, будущих учителей-словесников» (Протченко 1992, с. 12).

Издание книги «О преподавании отечественного языка» сразу же привлекло внимание как учителей-практиков, так и ученых-филологов. На страницах периодических изданий («Библиотека для чтения», «Северная пчела», «Русский инвалид», «Современник», «Отечественные записки», «Москвитянин» и др.) появились многочисленные отзывы. Среди них были не только восторженно-положительные, хотя их было большинство, но и отрицательные. В публикациях того времени, в архивных документах, как указывает в своей статье И.Ф. Протченко (Протченко 1992) имеется немало писем учителей-практиков, приветствовавших выход книги, — по сути, первого методического пособия по преподаванию русского языка с большим количеством готового практического материала, который можно было использовать на занятиях; в ряде рецензий справедливо отмечалось, что вопросы продуманного обучения и воспитания (волнующие всех и давно ожидающие решения) впервые рассмотрены с такой обстоятельностью, новизной, смелостью, так свежо и значительно, что книга Буслаева — это «драгоценный подарок для школы» (цит. по: Протченко 1992, с. 12). Учителя находили в этом труде не только освещение общих проблем методики преподавания родного языка и литературы, но и разъяснение многих частных вопросов грамматического, этимологического, стилистического, литературоведческого и этнографического характера для конкретного анализа на уроках в школе.

В рецензии, опубликованной на страницах «Современника» (1844, т. XXXV), отмечалось, что книга Ф.И. Буслаева является выдающимся и замечательным сочинением, но, по мнению автора рецензии, мысли, высказанные Буслаевым, могли быть с трудом применены на практике, поскольку для воплощения в жизнь этих очень ценных методических принципов ученого-педагога нужно время и специалисты, чтобы подготовить новое поколение учителей, способных не только воспринять эти идеи, но и реализовать их.

Отрицательных откликов также было много. Как пишет Ф.И. Протченко, «представители реакционной журналистики и педагогики — такие как Греч, Булгарин, Сенковский — отозвались о труде Ф.И. Буслаева недоброжелательно, резко критически. Их раздражало то, что Буслаев всесторонне и обоснованно отрицательно отозвался не только об отсталой системе преподавания

языка в школе, но и о тех пособиях, которые эту систему пропагандировали» (Протченко 1992, с. 12).

Критикуя современные ему пособия по обучению русскому языку, Ф.И. Буслаев в одной из своих статей писал: «Наши грамматики можно назвать уголовным сводом законов, полицейским исчислением правил, за неисполнение коих виновный подвергается наказанию» (цит. по: Протченко 1992, с. 12), и его современникам было понятно, что в данном случае ученый-педагог имел в виду грамматику Н.И. Греча, который был автором популярных учебных пособий по русскому языку и литературе для начальных и средних школ. «Его работы не только не отличались новизной, но и содержали в себе субъективизм в классификации языковых явлений, на что указывали учителя и методисты», – пишет Ф.И. Протченко (Протченко 1992, с. 12–13). Это мнение разделяли и современники. Так, В.Г. Белинский писал: «Кто не согласится, что Грамматика г. Греча не без достоинств, что в ней есть много дельных замечаний, что ее автор умел иногда кстати пользоваться трудами и открытиями наших филологов? Но кто, вместе с этим, не согласится, что эта грамматика есть не что иное, как сбор, или лучше своз материалов, книга полезная для составителя грамматики, но отнюдь не то, что должно разуметь под наукою в высшем значении сего слова? И притом, сколько странностей, сколько клевет на бедный русский язык!..» (Белинский 1948, с. 122). Практически все, кто был знаком с учебниками Н.И. Греча, сходились в едином мнении о том, что он «нередко подгонял факты и особенности русского языка под готовые стандарты и формулы зарубежных и русских составителей грамматик, руководствовавшихся принципами универсально-логической теории» (Протченко 1992, с. 13).

Таким образом, вышедшая книга оказалась на злобу дня, она действительно отличалась свежестью идей, направленностью на то, чтобы улучшить преподавание русского языка в школе.

В том же 1844 г. Ф.И. Буслаев печатает две брошюры по методике начального преподавания языка: «Опыт начального обучения отечественному языку» и «О преподавании азбуки в приходских школах».

Летом 1846 г. Ф.И. Буслаев принял решение покинуть гимназию. В этот же период произошло еще одно знаменательное событие в жизни Буслаева: он женился на Анне Алексеевне Сиро-

тининой и, после долгих скитаний по чужим углам, обзавелся своим собственным домашним хозяйством, водворившись на постоянное жительство в Москве.

В конце 1846 г. Иван Иванович Давыдов, получив место директора Педагогического института, оставил кафедру Московского университета и переселился в Петербург. «На его место был принят я в качестве стороннего преподавателя, потому что, не защитив магистерской диссертации, я не имел права быть адъюнктом. Таким образом – говорю это с особенной гордостью – я был в Московском университете первым по времени приват-доцентом. Мне дано было четыре лекции в неделю: две на первом курсе математического факультета по теории словесности и две на втором курсе филологического факультета по сравнительной грамматике и истории церковнославянского и русского языка», – пишет Ф.И. Буслаев в «Моих воспоминаниях» (Буслаев 1897, с. 304–305).

Вспоминая о подготовке магистерской диссертации, Ф.И. Буслаев писал: «Я готовился к своему магистерству по предварительному взаимному соглашению с экзаменаторами. Они хорошо знали о моих успешных занятиях за границею и отнеслись ко мне благодушно и снисходительно, не в пример другим, может быть, отчасти и из уважения к графу, который меня любил и жаловал, заботясь о моем образовании. Их было четверо: декан факультета, Иван Иванович Давыдов, должен был экзаменовать меня из теории словесности и языка (из так называемой общей грамматики); Степан Петрович Шевырев – из истории иностранной и русской литературы; Осип Максимович Бодянский – из славянских наречий и Дмитрий Львович Крюков – из философии, так как специального профессора по этому предмету в Московском университете тогда не было» (Буслаев 1897, с. 276).

После защиты магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык. По Остромирову Евангелию» (1848) он стал адъюнктом по кафедре русского языка и словесности и приступил к чтению лекций по сравнительной грамматике и истории церковнославянского и русского языков. Основные положения магистерской диссертации Ф.И. Буслаев сформулировал в «Моих воспоминаниях», и сводятся они к следующему: «История языка стоит в теснейшей связи с преданиями и верованиями народа. Древнейшие эпические формы ведут свое происхождение

от образования самого языка. Родство языков индоевропейской отрасли сопровождается согласием преданий и поверий, сохранившихся в этих языках. Славянский язык задолго до Кирилла и Мефодия подвергся влиянию христианских идей. Славянский перевод Евангелия отличается чистотою выражения христианских понятий, происшедшею вследствие отстранения всех намеков на прежний дохристианский быт. Готский перевод Библии, сделанный Ульфилою в IV в., напротив того, являет едва заметный переход от выражений мифологических к христианским и составляет любопытный факт в истории языка, сохраняя в себе предания языческие для выражения христианских идей. В истории славянского языка видим естественный переход от понятий семейных, во всей первобытной чистоте в нем сохранившихся, к понятиям быта гражданского. Столкновения с чуждыми народами и перевод Св. Писания извлекли славян из тесных, домашних отношений, отразившись в языке сознанием чужеземного и общечеловеческого. Отвлеченность славянского языка в переводе Св. Писания как следствие ясного разумения христианских идей, очищенных от преданий дохристианских, усилилась грецизмами, которых, сравнительно с славянским текстом, находим гораздо менее в готском. По языку перевода Св. Писания можно себе составить некоторое понятие о характере переводчиков и того народа, в котором произошел перевод Св. Писания» (Буслаев 1897, с. 309).

Вся последующая научная деятельность Буслаева связана с Московским университетом. В 1850 г. он получил звание экстраординарного профессора, в 1859 г. – ординарного. В 1861–1881 гг. Ф.И. Буслаев возглавлял кафедру русской словесности. В 1867 г. Буслаеву была присвоена степень доктора русской словесности, в 1873 г. – звание заслуженного профессора. С 1852 г. Буслаев был членом-корреспондентом Академии наук, а в 1860 г. он получил звание академика.

Буслаев неоднократно выезжал за границу для изучения истории искусства; в 1863–1864, 1870 и 1874 гг. работал в музеях и библиотеках Германии, Италии, Франции, Чехии, Швейцарии. В последние годы жизни, утратив зрение, диктовал свои воспоминания, до сих пор опубликованные лишь частично (Мои воспоминания. М., 1897).

В 1858 г. Ф.И. Буслаев публикует «Опыт исторической грамматики русского языка» (последующие издания назывались «Историческая грамматика русского языка»). В этом труде Ф.И. Буслаев развивает мысли, отчасти высказанные им в работе 1844 г. Во «Введении» к первой части «Опыта» «Этимологии» ученый пишет: «Язык есть не случайное изобретение, совершенное одним или несколькими лицами, а необходимое выражение дара слова, которым творец отличил человека от прочих животных. Образование языков сокрыто от нас в глубине веков, предшествовавших появлению народов на историческом поприще. Знаем только, что ни один народ, даже на самой низкой ступени общественного быта, без языка не обходился» (Буслаев 1973, с. 147–148). Рассуждая о том, как зарождается язык, Буслаев высказывает идею о том, что «образование частей речи, так и изменений их основывается на законах синтаксических, ибо совершается по требованию мысли» (Буслаев 1973, с. 148). Для ученого совершенно очевидно, что единицей высказывания следует признать предложение: «Мы не имеем никаких исторических свидетельств, на которых могли бы основать предположение о том, что люди сначала пользовались только отдельными членораздельными звуками, потом сложили их в слоги, а слоги в слова и, наконец, связали слова в стройное целое для выражения мысли. Напротив того, из истории всякого языка убеждаемся, что первоначальная форма, из которой выразился дар слова, есть уже целое предложение, что совершенно согласно с существенным назначением дара слова – передавать мысли членораздельными звуками, ибо только в целом предложении мысль может быть выражена» (Буслаев 1973, с. 148), а поскольку «предложение образовалось в разговоре между лицами, а разговор состоит во взаимном сообщении и подробном изложении мыслей, то сочетание мыслей должно было выразиться в языке сочетанием предложений» (Буслаев 1973, с. 148).

В свою очередь, речь ученый определяет как «ряд соединенных предложений» (Буслаев 1973, с. 148).

Логика рассуждений приводит исследователя к тому, чтобы рассматривать «составные части языка» как единое целое – речь: «Все построение языка, от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляет нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, кото-

рое в свою очередь дает смысл и значение каждому из этих членов. Такое взаимное отношение в речи между частями и целым именуется организмом языка» (Буслаев 1973, с. 148).

Описывая грамматику русского языка, Буслаев подчеркивает «двойное» употребление языка: «Для изучения законов русского языка равно важны и язык разговорный с его местными видоизменениями, и язык книжный. Просторечие не только расширяет силу закона, стесняемую книжной речью, но иногда вернее и тверже держится первоначального закона, уже нарушенного в речи книжной» (Буслаев 1973, с. 149), утверждая, что «в местных наречиях, менее книжного языка подвергавшихся изменениям, сохранилось больше старины» (Буслаев 1973, с. 149). В качестве примера Буслаев приводит формы глагола «хотеть», употребляемые в книжном языке (*хотим, хотите, хотят*) и просторечно (*хочем, хотите, хочут*), возводя последние к церковнославянским формам.

Ученый настаивает на необходимости отличать в грамматике законы языка от правил: «Грамматические правила основываются на современном употреблении книжного языка», – замечает он (Буслаев 1973, с. 149), в то время как «грамматические законы основываются на свойствах языка постоянных и не зависящих от временного употребления, ограниченного только некоторыми формами» (Буслаев 1973, с. 150). При этом необходимо знать и правила, принятые в языке, и языковые законы: «В употреблении языка принято согласовывать с правилами. Но чтобы понять правило, необходимо знать тот закон, к которому оно относится. Тогда, с одной стороны, легче усвоятся правила, а с другой – самое употребление языка в разговоре и на письме становится отчетливее» (Буслаев 1973, с. 150). В качестве примера Буслаев приводит написание слов «сделать» и «здесь», поясняя, что по правилам эти слова необходимо писать именно так, в то время как по законам языка эти слова «должны бы писаться одинаково: или оба с буквою с..., или оба с з» (Буслаев 1973, с. 150), поясняя, что «первого начертания требует производство, последнего – закон изменения звуков» (Буслаев 1973, с. 150).

Как можно видеть даже из нескольких приведенных выше примеров, «современный русский язык представляется совокупностью грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава. Одни из них сходны с формами церковнославянского

языка..; другие от них отличны..; иные сохранили на себе остатки древнейшего употребления..; иные старину подновили так, что трудно определить тот закон, по которому они составлены..; иные чисто русские и старинные формы, вытесненные из языка письменного, сохранились в областном просторечии; иные же... удержались как в просторечии, так и в языке книжном...» (Буслаев 1973, с. 150). Такое разнообразие форм может быть объяснено историческим образованием языка, но в отличие от, например, истории искусства, историю языка, по словам Буслаева, нельзя рассматривать как нечто, возникшее из «малых начатков», и затем совершенствующее: «Что же касается до языка, то мы не знаем первых начатков его; знаем только, что все языки, в их древнейшую эпоху, нам доступную по оставшимся памятникам, отличаются особенною полнотою и разнообразием форм» (Буслаев 1973, с. 151), поэтому обращение к древнему языку необходимо для того, чтобы «яснее понять употребительные грамматические формы, сблизить их с соответствующими им древними» (Буслаев 1973, с. 151).

Вторая часть «Опыта» была посвящена синтаксису, который Ф.И. Буслаев понимал как «законы сочетания слов» (Буслаев 1973, с. 151). В этой части своей работы взаимоотношения языка и мышления Буслаев рассматривает в большинстве случаев в духе философской грамматики, указывая на исключительную сложность в их отношениях, объясняя это тем, что, хотя язык служит выражением деятельности мышления, мысль развивается независимо от форм языка. Во «Введении» ко второй части, озаглавленной «Синтаксис», он писал: «Язык служит нам для взаимной передачи мыслей, т.е. представлений, понятий и суждений. Поэтому должно знать: 1) что есть представление, понятие и суждение и 2) как выражаются они в слове для взаимного сообщения мыслей между говорящими. Сведения о первом предмете заимствуются из науки о мышлении, или из логики; сведения же о втором собственно принадлежат грамматике и касаются того, чем язык отличается от мышления и грамматика от логики» (Буслаев 1973, с. 152).

В зависимости от того, какую мысль говорящий хочет передать, выбирается особый тип предложения: «Когда судим о каком-нибудь предмете, тогда соединяем понятия с понятиями или понятия с представлениями. Например, *птицы летают, эта комната*

обширна. В первом примере понятие *летают* приписывается понятию *птицы*; во втором понятие *обширна* приписывается представлению *эта комната*. В первом примере мы судим о птицах, во втором об этой комнате. Предмет, о котором мы судим, называется подлежащим (subjectum, subject). То, что мы думаем или судим о предмете (о подлежащем), именуется сказуемым (praedicatum, grädicat). Присоединение сказуемого к подлежащему именуется суждением. Суждение, выраженное словами, есть предложение» (Буслаев 1973, с. 154), при этом центром высказывания ученый считает сказуемое: «Вся сила суждения содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения. Отсюда понятно, почему в языке есть предложения, состоящие только из сказуемого, без явно обозначенного подлежащего, каковы все так называемые безличные глаголы; например, хочется, нельзя, нездоровится и проч.; но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего» (Буслаев 1973, с. 154).

Ф.И. Буслаев отмечает, что «язык к мышлению находится в двойном отношении: с одной стороны, формы языка служат точнейшим выражением всех действий нашего мышления, так что, думая про себя, постепенно облакаем каждую мысль в слово; а между тем, с другой стороны, опыт каждого говорящего и пишущего свидетельствует, что мысль развивается в голове независимо от форм языка и что весьма часто случается встречать затруднения в приискании слов для выражения мысли» (Буслаев 1973, с. 156).

В истории языка исследователь различает два периода – древнейший и позднейший. Он полагает, что с течением времени в языке происходят кардинальные изменения, касающиеся того, какие функции язык выполняет – постепенно язык «теряет свои первоначальные свойства, состоящие в художественном и разговорном характере и отличающие его от свойств логического и отвлеченного мышления, а вследствие того становится собранием условно принятых знаков, выражающих в своем сочетании только понятия и суждения» (Буслаев 1973, с. 157), т.е., по мнению исследователя, «в древнейшем периоде выражение мысли наиболее подчиняется живости впечатления и свойствам разговорной речи» (Буслаев 1973, с. 157), а «в новейшем периоде... словам, означавшим первоначально живые впечатления и отношения между лицами,

в разговоре, дается смысл общих отвлеченных понятий» (Буслаев 1973, с. 158). Уделяя большое внимание этимологии, Буслаев объясняет, что «этимологические формы и в том и в другом периоде истории языка стоят в различном отношении к выражаемой ими мысли. В древнейшем периоде мысль находится в теснейшей связи с этимологическою формою, и потому синтаксическое употребление слов оказывается на этимологической форме... В новейшем периоде язык сочетает слово независимо от этимологической формы, на основании только общего смысла, какой дается речением...» (Буслаев 1973, с. 158).

Буслаев отмечает, что «все языки с течением времени теряют или же искажают первоначальные этимологические формы» и, «подчиняясь общим законам логики, язык в позднейшем периоде своего развития стремится подвести под общие правила разнобразное употребление слов старинной и народной речи», что в свою очередь приводит к тому, что «синтаксис новейшей книжной речи отличается от синтаксиса древнего и народного языка большею простотою и однообразием в правилах управления и согласования слов» (Буслаев 1973, с. 159).

Исследования Ф.И. Буслаева имели большое значение для развития сравнительно-исторического языкознания. Ф.М. Березин, указывая на некоторую односторонность исторических взглядов ученого: «история языка, по его мнению, связана только с прошлым народа, когда слово воспринимается в своем существенном значении» (Березин 1984 б, с. 63), очень высоко оценил вклад Ф.И. Буслаева в развитие отечественного языкознания: «Буслаев сделал для языкознания очень много – он создал историческую грамматику русского языка. Теоретическое обоснование собранного им богатого историко-лингвистического материала было очень важно для дальнейших исследований» (Березин 1984 б, с. 63).

11 ноября 1859 г. Ф.И. Буслаев получил от графа С.Г. Строганова официальное письмо, в котором тот писал: «М. г., Федор Иванович! Высоко ценя ученые труды ваши, я нашел полезным пригласить вас для преподавания его высочеству государю наследнику истории русской словесности, в том ее значении, как она служит выражением духовных интересов народа, и имел счастье повергать сие на усмотрение Государя императора, на что и последовало высочайшее его величества соизволение. Во испол-

нение высочайшей воли сообщено о новом назначении вашем министру народного просвещения.

Извещая о сем, прошу вас, милостивый государь, о составлении по сему предмету программы в том виде, как вы предполагаете вести занятия с наследником, имея в виду годовую срок и лекции по три раза в неделю» (цит. по: Буслаев 1897, с. 330).

Вспоминая занятия с цесаревичем Николаем Александровичем, Буслаев писал: «Лекции я читал в самый ранний час, с которого ежедневно начинались учебные занятия цесаревича, именно с девяти до десяти, по вторникам, четвергам и субботам, а накануне, т.е. по понедельникам, средам и пятницам, весь день я употреблял на составление и тщательную обработку того, что завтра утром буду излагать своему слушателю. Я не читал ему написанное на принесенных с собою листах, а соображаясь с ними, время от времени давал своей лекции форму более оживленной беседы, вызывая его на вопросы в тех случаях, когда, как мне казалось, возможно было с его стороны какое-либо недоразумение. Принесенные листы оставлялись ему для приготовления отчета, которым и начиналась следующая лекция» (Буслаев 1897, с. 334). Впоследствии эти лекции были опубликованы*.

В 1861 г., спустя три года после публикации «Опыта», Ф.И. Буслаев выпускает «Историческую хрестоматию церковно-славянского и древнерусского языков» (1861). В хрестоматию было включено полностью или в извлечениях 135 произведений древнерусской письменности XI–XVII вв., причем 69 из них были впервые опубликованы по рукописям.

В «Предисловии» к «Хрестоматии» Ф.И. Буслаев пояснял, что «памятники, изданные в этой Хрестоматии для изучения древней русской литературы, расположены в хронологическом порядке самого их составления, а не написания тех рукописей, в которых они до нас дошли. Сосредоточивая главный интерес учащихся в литературе, издатель принял на себя обязанность облегчить им грамматические трудности ее языка. С этою целью разнообразие старинного написания, важное в истории языка для специалистов-филологов, подведено в этом издании под общий уровень право-

---

* Буслаев Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860). Вып. 2. 1905. Ч. 2. 491 с.

писания, систематически выдержанного, с разделением на два периода: 1) на древнейший, от начала письменности на Руси до XIV столетия включительно, и 2) на позднейший, от XV до XVIII столетия. За устранением описок и разнообразия в начертании одного и того же слова различными способами, письменность 1-го периода (в №№ 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14) оказалось возможным систематически подвести под общие правила правописания древнейшего, а письменности 2-го периода (от № 16 до 43, за исключением № 28) дать правописание новейшее, ныне принятое. Впрочем, как образчики древнего письма, оставлены без исправления №№ 1, 2, 3, 7, 15 и 28» (Буслаев 1870).

Объясняя принципы отбора текстов для их включения в Хрестоматию, Буслаев пишет: «В выборе статей для Хрестоматии предпочтены памятники исторического содержания, как потому, что историческое летописное направление вообще господствует в древней русской литературе, так и для того, чтобы Хрестоматия литературная, сколько возможно, ближе и нагляднее знакомила учащихся с их отечественною стариною, предлагая исторические памятники тех эпох и лиц, с которыми они в общих очерках знакомятся в классе русской истории. С этою же целью распространены в примечаниях объяснения исторические, иногда приводимые собственными словами летописцев и историков, особенно Карамзина. Равномерно и из народной поэзии приведены многие былины содержания исторического» (Буслаев 1870).

Примечательно, что эта книга составлялась для воспитанников «военно-учебных заведений» (т.е. для кадетов), однако ее уровень сопоставим с современными пособиями для студентов-филологов. Заслуживают особого внимания комментарии, данные ученым, к каждому памятнику: пояснений дается немного, но они отличаются конкретностью и точностью.

На основе «Опыта» и «Исторической хрестоматии» Буслаев подготовил впоследствии новые, облегченные издания: «Учебник русской грамматики» (1869) и «Русская хрестоматия» (1870), которые многократно переиздавались вплоть до начала XX в. Так, изданный в 1869 г. для средних учебных заведений «Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора» выдержал до конца XIX в. девять изданий, его десятое издание вышло в 1907 г.

Сокращенная версия буслаевской «Хрестоматии» (под названием «Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, со словарем и указателем. Для средних учебных заведений») выдержала 13 изданий, из них последнее – в 1917 г.

Параллельно с исследованиями в области русского языка Буслаев интересуется проблемами отечественной литературы. В 1850-х годах Буслаев обращается к проблемам народной поэзии и древнерусской литературы. В «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России», журналах «Отечественные записки», «Москвитянин», «Русский вестник», газете «Московские ведомости» и других изданиях появляются его статьи «Об эпических выражениях украинской поэзии» (1850), «Эпическая поэзия» (1851), «Русские пословицы и поговорки» (1854), «Повесть о Горе и Злосчасти» (1856), «О народности в древнерусской литературе и искусстве» (1857), «О народной поэзии в древнерусской литературе» (1859), «Русская поэзия XI и начала XII века» (1859). Эти статьи позднее вошли в двухтомник фундаментальных «Исторических очерков русской народной словесности и искусства» (1861). Последующие работы Буслаева по фольклору собраны в его книге «Народная поэзия. Исторические очерки» (1887). Среди них особое значение для развития фольклористики сыграли статьи «Русские духовные стихи» (1861) и «Русский богатырский эпос» (1862). Из поздних работ Буслаева особый интерес представляет статья «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» (1872–1873), в которой дается критический обзор основных мифологических теорий второй трети XIX в. Поздние исследования Буслаева, посвященные истории литературы, собраны в его книге «Мои досуги» (М., 1886. Ч. 1–2).

Вышедшие в 1861 г. «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (в 2 т.), в которых Ф.И. Буслаев рассматривал фольклор – «осколки древних мифов» – и выступил последовательным представителем мифологической школы в российской науке, вызвали общественный резонанс: «Ни одно из моих изданий ни прежде, ни после не имело такого успеха в периодической печати, какой выпал на долю моим “Историческим очеркам русской народной словесности и искусства”». И в мелких рецензиях,

и в объемистых статьях одни смехотворно надо мною издевались и всячески порицали меня, другие восхваляли и усердно защищали от злостных нападок. Первые смотрели на русскую старину и народность, на вековечные, исконные предания и обычаи, составлявшие предмет моих монографий, как на дрянной, никуда не годный хлам, который надобно выкинуть за окно; их противники утверждали, что вопрос о народности с ее старобытными устоями есть один из самых важных и существенных в виду совершающихся перед нашими глазами эмансипаций. Таким образом, между газетами и журналами разных оттенков зачалась оживленная и задорная полемика» (Буслаев 1897, с. 355–356).

За эти два тома Академия наук почтила Ф.Т. Буслаева званием ординарного академика, а совет Московского университета возвел в степень доктора русской литературы.

В 1870-е годы Ф.И. Буслаев читал лекции о новом направлении сравнительного метода в изучении мифологии, преданий, народного быта и литературы, а впоследствии напечатал несколько статей на эту тему в «Русском Вестнике». Часть лекций была опубликована во втором томе «Моих досугов».

В 1881 г. Федор Иванович по состоянию здоровья вынужден был оставить преподавательскую работу в университете и вплоть до 1888 г. занимался узкоспециальной научной областью – изучением миниатюр в старинных священных книгах. В 1884 г. Общество любителей древней письменности издало на иждивении графа Сергея Дмитриевича Шереметева исследование ученого «О русском лицевом апокалипсисе» с альбомом рисунков.

В 1887 г., еще до своего 70-летнего юбилея, Федор Иванович Буслаев стал отмечать, что его левый глаз стал хуже видеть. Обращение к окулисту, к сожалению, не возымело никакого действия, и вскоре второй глаз стал хуже видеть. Зрение Федора Ивановича стало все более и более ухудшаться. Летом 1888 г. Ф.И. Буслаев самостоятельно подготовил новое издание своего учебника русской грамматики, внес в него дополнения и изменения. Это была его последняя работа. В течение зимы 1888–1889 гг. зрение настолько ослабело, что Ф.И. Буслаеву врачи запретили самому читать.

Один из друзей Ф.И. Буслаева посоветовал ему заняться диктовкой своей биографии и своих воспоминаний. Воспоминания Ф.И. Буслаев писал (диктовал) в течение 1889, 1890 и 1891 гг.

Осенью 1892 г. «Воспоминания» были окончены. Этот последний труд Ф.И. Буслаева «Мои воспоминания» в 1890 г. начал печататься в журнале «Вестник Европы». В 1897 г. «Мои воспоминания» вышли отдельной книгой.

В июне 1897 г. Федор Иванович поехал на дачу в Люблино, где вскоре окончательно слег, и 31 июля его не стало. Похоронен Федор Иванович Буслаев в Новодевичьем монастыре в Москве. От первого брака у Ф.И. Буслаева был сын Владимир, пошедший по стопам отца и возглавивший гимназию в Серпухове.

Буслаев был человеком самых разносторонних интересов. Помимо филологии, он изучал также древнерусскую иконопись, миниатюры лицевых рукописей, орнамент. Среди наиболее значительных его труды в этой области: «Общие понятия о русской живописи» (1866) и «Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI века по XIX-й» (1884).

Будучи человеком широко образованным, обладающим энциклопедическими знаниями в области гуманитарных наук, Ф.И. Буслаев одним из первых осознал необходимость комплексного подхода к изучению народной культуры, что и наглядно демонстрировал в своих трудах, сочетавших в себе исследования фольклористики, лингвистики, этнографии, науки о славянских древностях, сравнительной мифологии, искусствознания.

Одним из первых Буслаев предложил теоретическое, эстетическое и нравственное обоснование новых сфер научного изучения, таких как русская народная культура, русское народно-поэтическое творчество, древнерусская иконопись. Ему принадлежат основополагающие труды в этих областях, остающиеся актуальными и сегодня; Буслаев стал основателем научных школ и направлений, оставил после себя многочисленных учеников и последователей, среди которых А.Н. Веселовский, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, А.И. Кирпичников, Н.П. Кондаков.

Буслаев хорошо знал немецкую классическую философию, хотя относился к ее постулатам отчасти критически, большой интерес проявил к трудам немецких романтиков, что отражается прежде всего в его диалектическом видении языка, мифологии и культуры как органически целостных и в то же время внутренне

противоречивых объектов, взятых в аспекте происхождения и внутреннего развития и во множестве внешних связей и отношений.

Еще будучи студентом Московского университета, Ф.И. Буслаев увлекся работами В. Гумбольдта и Я. Гримма, благодаря воззрению которых глубоко осмыслил мировоззренческие и историко-культурные функции языка и рассматривал языкознание как основу науки о культуре или народном духе. «Из уст Погодина, – вспоминает Буслаев, – в первый раз услышал я имя великого германского ученого Якова Гримма, который своими многочисленными и разнообразными исследованиями потом оказывал на меня такую обаятельную силу, так воодушевлял меня, что я сделался одним из самых ревностных и преданнейших его последователей» (Буслаев 1897). Язык Ф.И. Буслаев понимал как непрерывный творческий процесс: «Речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов» (Буслаев 1941, с. 68). Вслед за Я. Гриммом, Буслаев понимал историю языка чрезвычайно широко, рассматривая ее по существу как основу знания об этносе, как прикладную историю культуры: «В культурно-исторической теории Гримма Буслаев видел возможность проникнуть в далекое прошлое народа и найти в языке отражение его культуры, быта и верований», – пишет Ф.М. Березин (Березин 1984 а, с. 60). В работах Буслаева впервые в истории отечественной науки язык последовательно рассматривается как исторический источник, и через все его труды проходит мысль о тесной связи языка и жизни народа, его духовной культуры.

Буслаев придавал универсальное значение сравнительно-историческому методу, активно применяя его не только при изучении языка и языковых процессов, но и русской народной поэзии, мифологии и бытовой жизни. Изучая лексику славянских языков в сравнительно-историческом аспекте, он представил картину славянских верований мифопоэтического периода. Как особую заслугу ученого Ф.М. Березин отмечает тот факт, что Ф.И. Буслаев «впервые в России начал преподавать сравнительную грамматику индоевропейских языков и историческую грамматику русского языка» (Березин 1984 а, с. 60). И.Ф. Протченко высоко оценил «Опыт исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева: «“Историческая грамматика...” Ф.И. Буслаева сыграла большую

и очень значительную роль в истории отечественной филологии. Эта книга стала образцом составления научных грамматик, сравнительно-исторического подхода к анализу языковых явлений для многих последующих поколений лингвистов» (Протченко 1992, с. 16).

Буслаев видел в прошлом народной культуры источник и основание ее современного состояния, а в настоящем – живое присутствие прошлых стадий развития. Принцип преемственности также присущ мышлению Ф.И. Буслаева как исследователя и прослеживается в его трудах по истории языка и эпической поэзии.

Говоря о вкладе Ф.И. Буслаева в развитие отечественного языкознания и литературоведения, нельзя не упомянуть значительность влияния ученого, ученика С.П. Шевырева (1806–1864), на формирование и развитие романистики, в частности итальянистики, в России. Как отмечает А.П. Лободанов, «исследование Буслаевым итальянского мира счастливо простиралось не только в область сравнительно-сопоставительного изучения литератур, но и в сферу искусствоведения», а в лице Ф.И. Буслаева молодая российская итальянистика обрела «самостоятельного и тонкого исследователя, устремлявшегося мыслью к романским литературам и искусству, в частности Италии» (Лободанов 2015, с. 124).

Таким образом, благодаря Ф.И. Буслаеву филология, история искусств и сравнительно-историческое языкознание заняли особое место в отечественной научной мысли

Известный филолог XIX – начала XX в. профессор Е.Ф. Будде впоследствии в речи, произнесенной 28 сентября 1897 г., говорил: «Буслаев вдохнул живую душу в преподавание и преподавателей русского языка; он дал нам грамматику современного нам русского языка, а не чужого». И далее: «...Вся грамотная Россия добровольно признала в Ф.И. Буслаеве своего учителя по предмету отечественного языка... Мы все собственно – буслаевцы, мы все его ученики и воспитанники!.. Буслаев был учителем нескольких поколений...» (цит. по: Протченко 1992, с. 11).

Список литературы

1. *Белинский В.Г.* Избранные педагогические сочинения. М.; Л.: Академия педагогических наук РСФСР, 1948. 191 с.
2. *Березин Ф.М.* Значение трудов Ф.И. Буслаева для развития сравнительно-исторического языкознания // *Березин Ф.М.* История лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1984 б. С. 62–63.
3. *Березин Ф.М.* Общеязыковедческая проблематика в трудах Ф.И. Буслаева // *Березин Ф.М.* История лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1984 а. С. 60–62.
4. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка (1858) // Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П. Филина, сост. Ф.М. Березин. М.: Высшая школа, 1973. С. 147–169.
5. *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М.: Изд. В.Г. фон-Бооля, 1897. 387 с.
6. *Буслаев Ф.И.* Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, с словарем и указателем: Для средних учебных заведений / Сост. Ф. Буслаев. М.: тип. Грачева и К°, 1870. XVI, 429 с.
7. *Лободанов А.П.* Ф.И. Буслаев // *Лободанов А.П.* Очерки из истории отечественной итальянистики. М.: Издательство «БОС». С. 115–134.
8. *Протченко И.Ф.* Ф.И. Буслаев – выдающийся филолог и педагог // *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. С. 7–24.
9. Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П. Филина, сост. Ф.М. Березин. М.: Высшая школа, 1973. 504 с.
10. *Языков Д.* Федор Иванович Буслаев // *Русский вестник.* 1897. № 9. С. 379.

Список трудов Ф.И. Буслаева

- Буслаев Ф.И.* Испанский народный эпос о Сиде / Соч. Ф.И. Буслаева. – СПб.: тип. Имп. академии наук, 1864. – 98 с. (Записки Императорской академии наук; Т. 5, № 6. Приложение.)
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Ч. 1–2. Изд. 2-е, передел. – М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1863. Т. 1. – 259, [3] с. – Т. 2. – 374 с.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Ч. 1–2. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: бр. Салаевы, 1868–1869. – [Ч. 1]: Этимология. – 1868. – [4], 276 с. – [Ч. 2]: Синтаксис. – 1869. – [2], 394 с.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. [Ч. 1–2]. Этимология. Синтаксис. – Изд. 5-е – М.: кн. маг. наслед. бр. Салаевых, 1881. – 676 с. разд. паг.
- Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков: Сост., на основании наставления для образования воспитанников

воен.-учеб. заведений, выс. утв. 24 дек. 1848, Ф. Буслаевым. – М.: Унив. тип., 1861. – [6], II с., 1632 стб., VIII с. – (Учебные руководства для военно-учебных заведений).

Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. [Русская народная поэзия]. – СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. – [8], IV, 643 с.: [24] л. ил.; Т. 2. [Древнерусская народная литература и искусство]. – СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. – [6], 429 с.: [110] л. ил.

Буслаев Ф.И. Исторические очерки Ф.И. Буслаева по русскому орнаменту в рукописях. – Пг.: Отд-ние рус. яз. и словес. акад. наук, 1917. – IV, [1], 216 с.

Буслаев Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860). – Вып. 2. – 1905. – Ч. 2. – 491 с.

Буслаев Ф.И. Мои воспоминания: С портр. авт. / [Соч.] акад. Ф.И. Буслаева. – М.: В.Г. фон-Бооль, 1897. – VIII, 387 с., 1 л. фронт. (портр.).

Буслаев Ф.И. Мои досуги: Собр. из период. изд. мелкие соч. Федора Буслаева: В 2 ч. – М.: В Синод. тип., 1886. – Ч. 1. – [6], 407 с.; Ч. 2. – [6], 480 с.

Буслаев Ф.И. Народная поэзия: Исторические очерки орд. акад. Ф.И. Буслаева. – СПб.: тип. Имп. АН, 1887. – VI, [2], 501 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук; Т. 42, № 2).

Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. – М.: Унив. тип., 1848. – 211 с.

Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка / Соч. Федора Буслаева. Ч. 1–2. – М.: Унив. тип., 1844. – Т. 1. – С. [4], II, V, 335. – Т. 2. – С. [4], III, 375.

Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка // *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка. – М.: Просвещение, 1992. – С. 25–373. *Буслаев Ф.И.* Общие понятия о русской иконописи: С 40 литографир. рис. на 15 табл. и с 5 полиטיפажами в тексте / Соч. Ф. Буслаева. – М.: в тип. Грачева и К°, 1866. – [2], 106 с., 15 л. ил.: ил. – Отд. отт. из Сборника на 1866 г., изд. О-вом древнерус. искусства.

Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка: Учебное пособие для преподавателей: Ч. 1–2 / Сост. Ф. Буслаевым. – М.: Унив. тип., 1858. – 2 т. – (Учебные руководства для военно-учебных заведений). – Ч. 1: Этимология. – [12], XL, 244 с. – Экз. ИНИОН деф.: нет с. 91–94. – Ч. 2: Синтаксис. – X, [2], 428 с.

Буслаев Ф.И. Песни древней Эдды о Зигурде и Муромская легенда: (Четыре лекции из курса об истории нар. поэзии) / [Ф. Буслаев]. – [Москва, 1858?]. – 39 с. Авт. указан в конце текста. – Отт. из: «Атеней». М., 1858. – Ч. 4. – С. 191–229.

Буслаев Ф.И. Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, с словарем и указателем: Для средних учебных заведений / Сост. Ф. Буслаев. – М.: тип. Грачева и К°, 1870. – XVI, 429 с.

- Буслаев Ф.И.* Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й / Сост. Федор Буслаев. – М.: Синод. тип., 1884. – XIV, [1], 835 с.
- Буслаев Ф.И.* Сочинения Ф.И. Буслаева. Сочинения по археологии и истории искусства. Т. 1–3. Т. 1. – СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1908. – [2], IV, 552, II, [1] с., 1 л. фронт. (портр.): ил.; Т. 2. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. С 148 рис. в тексте. – СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1910. – [4], 455, [2] с.: ил.; Т. 3. – Л.: Акад. наук СССР, 1930. – [4], 239 с.: ил.
- Буслаев Ф.И.* Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора: Для средних учебных заведений / Сост. Ф. Буслаев. – Изд. 3-е, испр. – М.: в Унив. тип., 1873. – [4], 221, [3] с.
- Буслаев Ф.И.* Эпизоды из истории Московского университета. – М., 1896. – 10 с.